

Г.Р. Дадабаева 

Университета КИМЭП, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: gdadabaeva@mail.ru

КОЛОНИАЛЬНЫЙ ТУРКЕСТАН: СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЕ

Одним из актуальных вопросов современной зарубежной историографии является анализ российского присутствия в регионе Туркестане, который был характерен колониализма и империализма, привнесенный Российской империей в 1870-1900-е годы. Вопрос этот играет ключевую роль для понимания природы национально-освободительных движений, развернувшихся внутри Российской империи, и тех целей, которые они перед собой ставили. Будущее народов, населявших Российскую империю, зависело в том числе, и от итогов российской колонизации в Туркестанском регионе. Сможет ли метрополия осуществить проект «цивилизационного колониализма», и в каких пределах это было возможно осуществить? Ответы на эти заданные вопросы определялись достижениями администрации и русского капитала на территории единственной российской колонии. В данной статье автор ставит задачу проанализировать круг затрагиваемых проблем в историографических работах известного английского историка А. Моррисона, который активно занимается вопросами колониального присутствия имперской России в Туркестане. Исследователь, затрагивая вопросы отношений метрополии и колонии, останавливается на фундаментальной проблеме природы колониальных преобразований в Туркестанском генерал-губернаторстве и их отличии от европейских колонизаций других народов.

Ключевые слова: колониальный Туркестан, переселенческое движение, колонизация, земельные изъятия, водные ресурсы, православие, земледелие и скотоводство.

G.R. Dadabayeva

KIMEP University, Kazakhstan, Almaty,
e-mail: gdadabaeva@mail.ru

Colonial Turkestan: contemporary foreign historiography on resettlement politics

Success of the Russian presence in Turkestan was determined by character of colonialism and imperialism which was transferred to the soil of Turkestan in 1870-1900s. This is a key question to understand a nature and goals of the national liberation movements that emerged within this period on the territory of empire. Political trajectories of the Russian empire development depended, to a certain degree, on the results of Turkestan colonization. Would the empire be able to complete successfully “civilizing colonialism” mission and within what range it was possible to realize? The answers to these questions were due to the administration and Russian capital achievements in Turkestan – the only empire’s colony. In this article the author tries to analyze an array of problems raised in the works of British historian A. Morrison. He is actively involved into studies of Russian colonial society’s problems in pre-revolutionary Turkestan. Morrison dwells on the nature of metropole – colony relations to focus on the results of fundamental changes in Turkestan governor general and its differences from the other Moslem populated imperial areas.

Key words: colonial Turkestan, resettlement movement, colonization, land seizures, water resources, Orthodoxy, arable farming and cattle breeding.

Дадабаева Г.Р.

КИМЭП университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: gdadabaeva@mail.ru

Отардағы Түркістан: қоныстану мәселелері жөніндегі қазіргі шетелдік тарихнама

Түркістан аймағына кіретін мемлекеттер жеріне орыстарды қоныстандыру саясаты жөніндегі қазіргі шетелдік тарихнамадағы негізгі өзекті саналатын мәселелердің бірі 1870-1900 жылдары Ресейлік империя алып келген отаршылдық пен империяның сипатын талдау, сараптау болып табылады. Бұл мәселе империя аясында жүріп жатқан ұлт-азаттық қозғалыстардың сипатын және олардың алдына қойған мақсаттарын түсінуде шешуші рөл атқарады. Ресей империясын мекендеген халықтардың болашағы да Түркістандағы орыс отарлауының нәтижесіне байланысты болды. Метрополия «өркениетті отарлау» жобасын жүзеге асыра ала ма және оны қаншалықты жүзеге асыру мүмкін болды? Бұл сұрақтарға жауап Ресейдің жалғыз отары аумағындағы әкімшілік және орыс капиталы жетістіктермен анықталды. Бұл мақалада автор империялық Ресейдің Түркістанды отарлауымен байланысты мәселемен белсенді айналысатын ағылшын тарихшысы А. Моррисонның тарихнамалық еңбектерін талдауды міндет етіп қойды. Зерттеуші метрополия мен отаршылдықтың арақатынасы мәселелерін қарастыра отырып, Түркістан генерал-губернаторлығы құрамына енген мемлекеттердегі отарлық қайта құрылулар сипатының іргелі мәселелеріне және басқа халқы өмір сүрген империяның мұсылман аймақтарынан айырмашылығына тоқталды.

Түйін сөздер: отардағы Түркістан, қоныс аудару қозғалысы, жерді тартып алу, су ресурстары, православие, егін шаруашылығы және мал шаруашылығы.

Введение

Многочисленные дискуссии исторического сообщества, затрагивающие различные аспекты колониальной истории Российской империи, дают возможность оценить, каким образом происходил процесс выработки имперской концепции гражданства, и ее практическую имплементацию в Туркестане в колониальный период (Morrison, 2012). Один из наиболее активных историков, пишущих по имперской истории России, А. Моррисон, суммирует сложившиеся в российской и зарубежной историографии концепции по теме переселенческого движения и его влияния на колониальную политику российской администрации. Помимо этого, также важной являлась проблема взаимоотношений местного населения и российских поселенцев. Именно переселенцы должны были, по замыслу активных сторонников переселенческого проекта, быть носителями «цивилизаторской миссии» в новых присоединенных землях (Morrison, 2015). Однако, этот «культурегерский проект» плохо сочетался с реалиями Туркестана. Моррисон делает отсылки на работы А.В. Ремнева и Н.Г. Суворовой, утверждавших, что оптимизм государства по поводу безопасности российского фронта и его успешной русификации нивелировался уровнем культуры переселенца. Переселенец либо сам поддавался местному влиянию, либо же вырождался (Ремнев, Суворова, 2008). Таким образом, присутствие российского насе-

ления в Туркестане, в иерархии которого бедные крестьяне-переселенцы занимали последнюю ступень, никак не способствовало продвижению каких-либо расовых теорий о превосходстве русского народа. Напротив, в той части официальной российской историографии, которая касалась территории Туркестана, за исключением редких антисемитских высказываний, вопросы превосходства поднимались редко (Morrison, 2015). Эти выводы британского историка отчасти подтверждаются работами российских коллег (Цыряпкина, 2016) и ряда других (Брусина, 2001), в которых также затрагиваются проблемы идентификации и культурной идентичности русских переселенцев. Вопрос, который вызывает наибольшее количество спорных интерпретаций как в российской, так и в англоязычной историографии, – как этот фактор влиял на продвижение российского колониализма, и, соответственно, реакцию местного населения. Была ли возможной мечта первого поколения туркестанской администрации о мирной имплементации края в состав империи? Каким образом переселенческое движение повлияло на динамику развития капиталистических отношений? Был ли неизбежен в свете действий российской администрации 1916 год? Анализ опубликованных работ дает возможность проследить наиболее закрытые моменты переселенческого движения и взглянуть на истоки национально-освободительных движений с противоположной стороны.

Колонизация как средство консолидации азиатских владений

К началу 20 века российские власти в Туркестане стали широко обсуждать процесс и результаты крестьянских переселений, предусмотренных административными реформами 1889, 1896 и 1904 годов. Путем переселения большой массы безземельных крестьян правительство надеялось решить не только острые социальные проблемы империи, но также и консолидировать свои азиатские колониальные владения. Этот процесс, реализуемый в государственных масштабах, выглядел более успешным по сравнению с подобными попытками французского правительства по колонизации Алжира (Holquist, 2010). Переселенческое движение к началу XX века стало для российских правящих кругов частью разрекламированного проекта формирования русской нации, а также имперского модернизационного проекта. Глава Переселенческого Управления Г.В. Глинка так выразил общее направление этого процесса: «...сейчас, когда формирование государственной территории, наконец-то, завершено и установлены внешние границы страны ...переселение на свободные государственные земли приведет, в результате, к постепенному слиянию прежде необжитых земель и их окончательной оседлой колонизации» (Morrison, 2015:389). В основе этой идеи лежит концепция об особой роли российской колонизации, впервые предложенной в работах В.О. Ключевского и С.М. Соловьева. Ключевский писал в «курсе российской истории», что «история России – это история страны, которая сама себя колонизирует» (Morrison, 2015:389).

Тем не менее, в этом широком крестьянском движении на Восток не было ничего, что бы фундаментально отличало его от подобных движений в других европейских колониях, например, в Северной Америке, Алжире или же в Южной Африке. Это положение подтверждается широко распространившимся в последнее время аргументом о том, что российский колониализм был идентичен своему западноевропейскому аналогу по многим ключевым параметрам. Эта общность проявлялась в отличии юридической, экономической и культурной жизни колонии и метрополии, и в определении «отсталых» и «прогрессивных» народов в духе европейского Просвещения, чтобы выстроить иерархию отношений между разными этническими группами и получить доступ к материальным благам и политическому верховенству (Khalib, 2009). Таким образом, как считает часть западных исследова-

телей, русское и украинское крестьянство несло «цивилизаторскую» миссию в азиатскую часть Российской империи, уподобляясь белому колонизатору в странах Азии и Африки (Morrison, 2015:390).

Колонизацию Туркестана, куда входили две области современного Казахстана, и где русское население представляло меньшинство, можно сравнить с европейскими колонизациями Алжира и Южной Африки. У местного населения были изъяты наиболее плодородные земли, наряду с водными источниками, что и привело в конечном итоге к началу восстания 1916 (Bettino, 2007; Sokol, 1954). Моррисон настаивает, что именно взаимная вражда между переселенцами и местным населением стала главной причиной падения царского режима, и никакой речи о классовой солидарности между трудящимися разной национальной принадлежности быть не могло (Morrison, 2015:390).

Таким образом, именно необходимость понимания причин и содержания переселенческого движения стало двигателем быстро выросшего интереса ученых к природе российского колониализма последние двадцать лет (Sabot, 2003; Kendirbai, 2002; Nishiyama, 2000). Этот подход открывает новые связи между местным русским населением и метрополией, отношение переселенцев к земле, а значит, и понимание того, каким образом могли быть выстроены отношения внутри новых формировавшихся колониальных обществ.

Очень часто российское переселенческое движение в Сибирь и в казахские степи показано в сравнении с американским движением к западному фронтиру, в то время, как историография, которая сравнивает ситуацию в Туркестане с Алжиром или Южной Африкой, практически отсутствуют, где, как и в перечисленных странах переселенцы встречались с ожесточенной конфронтацией со стороны местного населения (Sahadeo, 2007). Таким же сложным вопросом стала проблема «бедных белых переселенцев», которые должны были занимать более высокое положение в расовой иерархии в силу своей принадлежности к обществу колонизаторов. Однако их статус не соответствовал ожиданиям, так как они были зачастую беднее местных жителей или же использовали крайне дешевый труд местных, который не давал возможности значительно улучшить материальное положение и, соответственно, повысить свой социальный статус (Kennedy, 1987). Конечно, это снижало коло-

ниальный статус белых переселенцев в глазах местного общества (Prochaska, 1990).

Каким образом «цивилизационная миссия» белых российских переселенцев вписывалась в колониальную стратегию царского правительства на территории Туркестана? Ответы на эти вопросы можно найти, сравнив реальную историю российского переселенческого движения с европейскими аналогичными процессами 19 – начала 20 веков.

В своей работе, посвященной переселенческому движению (Morrison, 2015), британский историк поднимает вопрос о взаимоотношениях военной администрации с русскими переселенцами. Он приводит случай обращения в суд жителя Куюкской волости Кантарбая Курамбаева, который жаловался на жителей села Новогеоргиевка, совершивших кражу его личного скота. Помимо этого, шестеро обвиняемых жителей села Новогеоргиевка жестоко избили членов его семьи, что привело к смерти жены Курамбаева (Morrison, 2015: 392-393). Для самого исследователя самым большим вопросом стало то, что российская военная администрация опросила свидетелей истца и вынесла приговор на основании их информации, не опросив представителей переселенцев.

В русле этой политики становится понятной позиция местной российской администрации. Представитель Аулие-Атинской администрации считал реальной причиной конфликта двух сторон экономические условия, т.е. потраву полей переселенцев скотом, перебивавшимся со стороны казахского аула. Это решение показывает, как накалились отношения накануне восстания 1916 года (описываемые события произошли в 1913 году). И все же интерес английского историка вызывает тот факт, что военная администрация в данном случае безоговорочно выступает на стороне местного населения. Он считает, что напряженность между казахами и переселенцами наблюдалась еще с 1880-х годов, однако пика враждебные отношения достигли в начале 1900-х годов, в связи с резким притоком переселенцев. Тем не менее, историк отмечает любопытный факт – переселенцы говорили на казахском языке, и две стороны вполне свободно общались еще до инцидента. То есть, как переселенцы, так и казахи были вовлечены в интенсивные экономические отношения, несмотря на многочисленные конфликты.

Для того, чтобы понять истоки такого решения администрации, необходимо обратиться к истории переселенческого движения в Турке-

стане. Первые поселения в Центральной Азии появились в связи с необходимостью иметь на этой территории людей, способных обеспечить военную поддержку регулярных частей в случае выступлений местного населения. Также переселенцы должны были заниматься земледелием, чтобы улучшить продовольственную ситуацию. Но, прежде всего, новые поселения были необходимы для того, чтобы продвигать российские интересы в новом крае. Н. Маев, будущий издатель «Туркестанских ведомостей», писал: «огромное расстояние, которое отделяет Туркестанскую область даже от Оренбурга, не говоря уже о других российских городах, будет представлять основное препятствие... для распространения российского влияния... До тех пор, пока не возрастет русское население от Оренбурга до Ташкента, Туркестанская область останется совершенно несвязанной с Россией...» (Morrison, 2015: 395).

П.Г. Галузо позднее использовал этот документ, как обоснование концепции военной безопасности края царской администрацией (Morrison, 2015: 395). Однако, эта политика, как считает Моррисон, нивелировалась столкновениями с местным населением, выражавшим протесты против земельных изъятий. Также следует отметить тот факт, что русское население было, в основном, сосредоточено в городах, в то время, как переселенцы жили в поселках, большинство из которых скорее могли характеризоваться как пригороды. На территории Казахстана первый период переселения был направлен на освоение Семиречья, где уже к 1867 году существовало 13 казачьих станиц с населением 14,000 человек. В 1868-1869 годах военный губернатор А. Колпаковский начал переселение крестьян из родной Воронежской губернии в окрестности Верного, а уже к 1883 году количество переселенцев достигло 2,500 душ (Morrison, 2015: 395).

Новый этап в развитии переселенческого движения был напрямую связан с усилением колонизации. С 1883 по 1897 годы при генерал-губернаторе Н.И. Гродекове в Сырдарьинской области насчитывалось 16,000 российских переселенцев, их села располагались вдоль основных дорог. Именно эти переселенцы считались основной иррегулярной воинской поддержкой колониальной администрации. В 1897 году Н.И. Гродеков закрывает Туркестан для дальнейшего переселения крестьян из центральных российских губерний, объясняя это отсутствием плодородных земель и водных ресурсов. Позднее, в 1898 году, после Андижанского восстания его

преемник генерал-губернатор С.М. Духовский вновь поднял вопрос о возобновлении переселенческого движения, так как колониальная администрация остро нуждалась в поддержке местного русскоязычного населения.

Двойственная природа российской колониальной политики здесь, на территории Туркестана четко прослеживается на примере переселенческого движения. Именно военная администрация способствовала интенсивному переселению крестьян из центральных губерний на территорию Туркестанского генерал-губернаторства. В обмен на безоговорочную поддержку власти, в том числе и военными средствами, переселенцы получали финансовую поддержку государства и лучшие участки земли.

Однако, неурожай и голод в европейской части России 1891-1892 годов привели к росту несанкционированных переселений в Сырдарьинскую и Семиреченскую области. В эти годы в Сырдарьинской области появилось 20 новых поселений, жители которых составляли 75 % от всех переселенцев, прибывших в Туркестан в предыдущий период. Новые переселенцы были зачастую обмануты в своих надеждах, так как лишь небольшие площади земель подходили для занятий земледелием, к тому же казахи издавна занимали лучшие пастбища с водными источниками. Деятельность этой части переселенцев не соответствовала ожиданиям колониальной администрации, поскольку их материальное положение, уровень жизни были зачастую хуже, чем у местных жителей. Позднее, к началу 20 века между старожильческими и новожильческими поселениями сложились напряженные отношения – очень сильно была видна разница между зажиточными жителями первых поселков и беднотой из новых переселенцев.

Несмотря на значительный рост переселенческих поселений в Сырдарьинской области и Семиречье, где насчитывалось 46 поселков, большей частью старожильческих, экономический эффект земледельческих хозяйств был сравнительно низким. Кроме того, вся региональная торговля, как отмечала комиссия Палена, была сосредоточена в руках мусульман – сартов, дунган и других, что наряду с малочисленностью русскоязычного населения, которое составляло даже в Семиречье 16% населения, вновь ставила под сомнение вопрос о влиянии России в регионе (Morrison, 2015: 396).

Отдельный вопрос, который поднимается в исследовательской литературе, – это ирригационная система Туркестана. На территории Семи-

речья и Сырдарьинской области за все годы колонизации не было построено ни одного канала, что негативно повлияло на возможность увеличения продуктивности и экономической эффективности переселенческих хозяйств. Моррисон ссылается на диссертацию М. Петерсон, которая устанавливает прямую взаимосвязь между российской колонизацией и новыми ирригационными проектами (Peterson, 2011). Единственный проект по ирригации земель, расположенных вдоль реки Чу, куда направлялось большое количество российских переселенцев, так и не был реализован, что автоматически вело к земельным конфликтам между оседлыми казахами и киргизами с одной стороны, и переселенцами с другой. В начале 20 века царское правительство начало строительство оросительных каналов в Голодной степи, которая сегодня занимает часть территории республик Узбекистана, Казахстана и Таджикистана, с целью передачи орошаемых земель русскоязычным православным переселенцам.

Тщательно разработанная методика переселения крестьян из России в Сибирь и северные области Казахстана не могла быть перенесена в Туркестан по ряду причин. Это и голод 1891-92 годов, и запрет на переселение в Сырдарьинскую и Семиреченскую области, который на деле поощрял нелегальную миграцию безземельных крестьян. Последнее обстоятельство, в конечном итоге приводило к искажению реальной информации по переселенцам. В 1909 году в Туркестане официально проживало 24,769 переселенцев, что не могло соответствовать действительности, так как в эти области шел большой поток нелегальных мигрантов. Так, например, Г.Ф. Дахшлейгер указывал, что в Семиречье в период 1907-1914 годов переселилось 104,804 человека, причем на родину вернулось около 10,000 переселенцев. (Дахшлейгер, 1965: 50).

Несмотря на то, что российская администрация считала крестьянское переселение наиболее желаемой формой колонизации Туркестана, прирост городского населения за счет мигрантов из России сыграл значительную роль в социально-экономических изменениях жизни края. Перепись 1897 года зафиксировала количество так называемого европейского населения Туркестана, состоявшего из русских, украинцев, белорусов, поляков, немцев и представителей других этнических групп, как 212,084 человека. К сельскому населению было отнесено 88,705 человек, то есть городское население преобладало. К 1911 году численность славянского населения

достигла 407,000 человек из общей численности 6,493,000 населения туркестанского генерал-губернаторства (Morrison, 2015:398). Эти факты можно интерпретировать как корректировку целей российской колонизации в контексте ускоренного развития капитализма в России и на ее окраинах.

Для военной администрации главной целью колонизации было переселение лояльных властей хозяйств, которые, как казаки в приграничных районах империи, играли бы роль вспомогательной военной силы в случае необходимости. Одновременно, экономическое развитие государства привело в действие механизмы, способствовавшие трансформации местных сообществ в социальном, политическом и экономическом отношении. Тенденции, заданные городами и новым производством, при всей их ограниченности, на территории Туркестана привели к результатам далеким от целей колониальной администрации. Нерешенный «переселенческий вопрос» сделал невозможным мирную трансформацию края в колониальное владение, и *эта задача становилась ключевой для любой власти*, что было подтверждено опытом установления и победы Советской власти в Туркестане.

Для того, чтобы разобраться в особенностях колонизации Туркестанского края, Моррисон анализирует социальный состав переселенцев из европейской части империи. Русскоязычное общество Туркестана было очень неоднородным. Например, среди городского населения Ташкента, как показано у Д. Сахадео (Sahadeo, 2005), преобладали военные офицеры, представители администрации, растущая прослойка русской и еврейской буржуазии, и небольшое количество интеллигенции, связанной, в основном, с военными кругами. Как отмечает английский историк, в начале переселенческого движения в 1888 году «Туркестанские Ведомости» публикуют статью о переселенцах, получивших земли в низовьях Сырдарьи. Тон статьи более чем критичен по отношению к новым согражданам – они не проявляют сильного желания заниматься земледелием, хотя правительство создает все условия, склонны к лени и так далее. Жалобы подобного рода на низкий моральный и культурный уровень переселенцев можно найти как в официальных государственных документах, так и в неофициальных критических материалах (комиссия Палена, Туркестанские ведомости).

Дополнительным фактором, осложнявшим жизнь переселенцев стали их навыки и традиции земледелия, принятые в европейской части

империи. Российские переселенцы пользовались тяжелым плугом, который плохо подходил для почвы Туркестана, также здесь нужно было использовать искусственное орошение, которым в совершенстве владели местные жители. К негативным фактам следует отнести желание части переселенцев продавать свои участки, чтобы вести жизнь бродяг или же выпрашивать у государства новые земельные участки. Большая же часть переселенцев упорно трудилась, уменьшая негативный эффект от присутствия «неумелых и пьющих». Российский историк Ю.Н. Цыряпкина выделяет особую роль старообрядческих общин в освоении земель Семиречья и юга Казахстана (Цыряпкина, 2016:184). Представители российской администрации отмечали положительный эффект их хозяйственной деятельности, однако, в конечном итоге предпочитали поддерживать православное население, считая, что религия сможет сплотить новых переселенцев в условиях абсолютного превосходства местного населения. Подтверждением того, что в конечном результате старожильческие и часть новожильческих поселков стали источником экономического благополучия края был быстрый рост продажи зерна, сухофруктов, клевера, меда и другой сельскохозяйственной продукции. А.А. Кауфман отмечал, что переселенцы Сырдарьинской области относятся к самой зажиточной части крестьянства, чему они были обязаны знакомством с местной техникой орошаемого земледелия (Morrison, 2015:400).

Однако, как настаивает Моррисон, даже эти успешные хозяйства не смогли использовать новейшие технологии обработки земли для повышения экономической эффективности хозяйства – сменяемость культур, использование удобрений, что привело к быстрому истощению земли. Переселенцы требовали новые участки земли, которые правительство, в конечном итоге, им прирезало, для того, чтобы сохранить и приумножить русское население Туркестана.

В связи с нецелесообразным использованием переселенческого фонда, многие официальные представители российской администрации высказывали опасения о возможной эскалации ситуации, вплоть до вооруженного выступления местного населения. Моррисон приводит пример обращения жителя Пишпекского уезда купца Али Узбекова, который в течение длительного периода времени, а точнее, с 1887 года арендовал у киргизской семьи участок для выращивания лошадей, которые предназначались для российских военных частей. Он подал про-

шение об отмене решения, датированного 1906 годом, о переводе данного участка в распоряжение переселенческого управления. А. Узбеков настаивал на том, что эти земли никак не могли быть использованы для земледелия. В поддержку этого заявления выступил командир Амударьинской бригады. Позднее военный губернатор Семиреченской области генерал М.Е. Ионов назвал неверной и несправедливой политику Переселенческого управления и выразил протест генерал-губернатору Туркестана Н.И. Гродекову. В 1907 году переселение было закрыто, хотя злоупотребления и перегибы в правительственной политике продолжали осложнять ситуацию в Туркестане (Morrison, 2015:401).

Усилия российской администрации, интеллигенции и ортодоксальной церкви по вопросу о российском переселенческом движении должны были привести к скорейшему вхождению Туркестана в состав империи, так как основная масса крестьян должна была способствовать христианизации края, в качестве примера работающих, преуспевающих людей с высокими моральными качествами. Однако, переселение привело к обескураживающим результатам в тех сферах, которые правительству и местной администрации казались наиболее желательными.

Моррисон ссылается на любопытную статью представителя православной епархии в городе Верном. Автор пишет о том, что переселенцы неизбежно утрачивают подлинно христианскую веру, проживая в окружении огромного количества местного мусульманского населения (Morrison, 2015:402). Многие из переселенцев отличались предприимчивостью и трудолюбием, что позволило им быстро увеличить свой материальный достаток, однако этот процесс не сопровождался, да и не мог сопровождаться таким же ростом морально-нравственных качеств. Достаток дал им возможность стать землевладельцами, которые эксплуатируют труд казахов и киргизов, что выходило за рамки той колонизации, которая была желательна для российской верхушки. Неофициальное переселение, наряду со столыпинскими реформами, привели к появлению в крае большого числа бедных и мало-мощных хозяйств, которые также были мало озабочены вопросами морального превосходства над колонизируемым населением.

Российский исследователь Ю.Н. Цыряпкина считает, что русскоязычное население Туркестана и не могло быть консолидировано в единую общину, поскольку проживание в разных губерниях европейской части Российской империи

препятствовало выработке самоидентификации. Новое население края сильно отличалось по социальным, культурным, языковым и конфессиональным характеристикам. Жители старожильческих поселков конфликтовали с «билетными» переселенцами из европейской России из-за водных и земельных ресурсов. Наряду с православными, правительство также продвигало и переселение других конфессиональных групп – старообрядцев, лютеран и других, которые также не всегда ладили между собой (Цыряпкина, 2016:185).

Однако наряду с этим, можно отметить тот факт, что православные составляли большинство среди переселенцев, так как правительство, в первую очередь, поддерживало официальную церковь с ее идеей христианизации. Мысль о приобщении местного населения к православии оказалась провальной, несмотря на то, что администрация оказывала большую поддержку православной общине переселенцев. Для колониальной администрации политика христианизации выглядела, как возможность усиления связей с европейской Россией (Цыряпкина, 2016: 184).

Межэтнические отношения накануне 1916 года

Моррисон также выделяет в своей работе такую проблему, как отношения местного населения и российской колониальной администрации. Он неоднократно указывал, что в отношении спорных дел российская администрация предпочитала поддержку казахов, киргиз и других. В частности, он приводит пример петиции, поданной комиссии под руководством графа К.К. Палена от жителей-переселенцев Пишпекского уезда. Они жалуются на то, что начальство не поддерживает переселенцев, называя их «сволочь», более того, они не выделяют крестьянам землю, так что пашенных участков не хватает. Дети переселенцев не могут получить образование, так как власти не открывают школы, хотя детей «киргизов» посылают даже в гимназии (Morrison 2015:402).

Выводы комиссии К.К. Палена о том, что колонизация «закладывает семена национальной розни в инородческом крае», свидетельствовали о нарастающих разногласиях между местным населением и российскими переселенцами. Моррисон приводит отрывок из местной статьи, автор которой утверждает, что переселенцы оказались не в состоянии стать проводниками культурного просвещения, несмотря на превосходство в экономической сфере. Британский путешественник

Стивен Грэхэм писал о своих наблюдениях во время путешествия по тракту Чимкент – Верный в 1915 году: «У колонистов всегда существовало чувство, что киргизы не что иное, как рабы и крепостные. Удивительно видеть русского крестьянина, который принес с собой в эти регионы старинные традиции крепостничества, спокойно сидя и наблюдая, как киргиз строит ему дом, получая при этом низкую оплату за свой труд, и выполняет всю тяжелую и трудную работу» (Morrison 2015:404).

Эхо этого понимания сквозит и в работах священников православной епархии – российская колонизация реализуется не по тому сценарию, по которому ее задумывали. Даже такие апологеты колонизации, как А.А. Кауфман, считает Моррисон, признавали, что переселенцы самовольными захватами земель у местного населения демонстрировали слабость и неспособность колониальной администрации контролировать этот процесс.

В контексте этих мыслей, восстание 1916 года выглядит подтверждением этих опасений, обусловленных хаотичным и плохо организованным процессом переселения крестьян из европейской части России. Первой реакцией правительства и властей на это выступление стало обвинение казахского и киргизского народов в «отсталости» и «дикости», что и спровоцировало дальнейшее усиление конфликта. Однако уже в августе 1916 года в одной из газет Верного промелькнуло обвинение части русских переселенцев во враждебном отношении к местному населению, которых считали людьми второго сорта (Morrison 2015:405).

Очень быстро выступление 1916 года стало классифицироваться как крестьянское выступление, основной причиной которого стал нерешенный земельный вопрос. В довоенный период в советской историографии переселенцы ассоциировались с кулаками и, таким образом, в ходе событий 1916 года они выступали как естественные сторонники царизма, из-за чего часть переселенцев была выслана из Семиречья в 1920-е годы. (Брайнин, Шафиро, 1935; Рыскулов, 1936; Галузо, 1929). Позднее эта концепция изменилась, породив новую теорию о «дружбе народов» и хороших отношениях между переселенцами и местным населением. Этой точки зрения придерживается и часть англоязычных историков (Weisensel, 2000). Отчасти это верно, так как подтверждается большим количеством документов и этнографических материалов.

Однако следует учитывать и тот факт, что в начале XX века кочевое скотоводство сталкивается с двумя фундаментальными вызовами. Во-первых, это российское переселение, которое привело к изъятию огромного количества пастбищ, разрушило традиционные кочевые пути, и, следовательно, к уменьшению поголовья скота. Во-вторых, переход части казахов к оседлому образу жизни резко снизил их уровень жизни, так как участков орошаемых земель не хватало, да и те были, в большинстве, переданы российским переселенцам. Поэтому, несмотря на тот уровень кооперации и сотрудничества, который был характерен для дореволюционного Туркестана, взаимоотношения различных социальных групп были крайне сложными и запутанными. Например, богатые казахи и киргизы часть своей земли сдавали в аренду переселенцам, а те, в свою очередь могли получать большой урожай пшеницы или выращивать больше скота, чтобы продавать излишки на рынке. Таким образом, в колониальном Туркестане развивались своеобразные капиталистические отношения в аграрном секторе. Моррисон обращает внимание на то, что принадлежность этих земель была юридически нечетко прописана, что приводило к последующим конфликтам. Аренда была широко распространена на юге Казахстана, но сроки аренды были невелики, от одного до двух лет.

Восстание 1916 года туркестанские власти вначале воспринимали, как антирусское выступление, направленное против имперской власти в регионе. Победа жесткой линии по отношению к казахам, нежелание договариваться с восставшими видна по назначению генерала А. А. Куропаткина генерал-губернатором Туркестана в июле 1916 года. Он предложил решение этой проблемы путем создания большого региона, заселенного русскими переселенцами вокруг озера Иссык-Куль, в то время как казахов должны были депортировать в Нарынский район. Лишь победа Февральской революции положила конец реализации этого плана.

Акультурация Туркестана российскими властями шла неровно, и переселенцы, как изначально предполагалось апологетами идеи колонизации, не сыграли в этом процессе решающую роль. Однако, логика колониальной администрации в период восстания 1916 года все же выглядит как защита этой идеи. Русские переселенцы должны были поддерживать, как военным путем, так и политическими средствами царский колониационный режим, поэтому восстание было так жестоко подавлено.

Заключение

Можно ли употребить термин «переселенческий колониализм» по отношению к Туркестану? Для самого А. Моррисона это вопрос, на который можно вполне дать положительный ответ. Он указывает, что Лоренцо Верачини настаивал на сравнительно недавнем происхождении этого термина, поскольку до 1970-х годов лишь немногие исследователи разделяли переселенческий и не переселенческий колониализм. Роль переселенцев в этом типе колониализма Р. Робинсон определяет, как «идеальных партнеров..., чье присутствие, по крайней мере, вначале, помогает установлению имперского контроля» (Robinson, 1972: 124). Однако, их присутствие не означало ни уничтожение местного населения, ни его ассимиляцию, а, скорее, нечто среднее между ними.

Между переселенцами и местным населением существовали оживленные социальные и экономические контакты, что серьезно беспокоило российскую администрацию, но, в целом, их взаимодействие можно описать, как разделение, конкуренция, растущее взаимное недоверие. Последний фактор был напрямую связан с ростом нелегальных переселенцев в Туркестан накануне Первой мировой войны, что вело к межэтническим конфликтам.

Особняком стоит положение о поддержке российской администрацией местного населения и критика переселенцев. Как считает Моррисон, такая политика также существовала и в Индии и Алжире, где переселенцы сталкивались с ограничительной политикой колониальной администрации, стремившейся избежать конфликтов с местным населением в чувствительных для них областях.

Однако, существовали и серьезные отличия от европейских форм колонизации. Так,

например, русские, украинцы, немцы и другие переселенцы все же не были так разделены, как англичане и буры в Южной Африке или же мальтийские, испанские, итальянские мигранты в Алжире.

Вероятно, как считает английский историк, речь идет о принципиальной разнице в понимании колониального общества в России и других европейских странах. Российская администрация рассматривала крестьян – переселенцев в контексте предшествующих дискурсов относительно капиталистического будущего России и роли крестьянства в этом процессе. Часть этого нарратива накладывалась на реальность Туркестана, где парадоксальным образом военная администрация несла в себе отголоски крепостнического негативного отношения к крестьянам-переселенцам.

Крестьяне-переселенцы не были в состоянии создать местную «туркестанскую» идентичность, поскольку ни культурный, ни политический уровень не способствовал формированию сепаратистских настроений в пользу автономии с предоставлением полных политических и гражданских прав русскоязычному населению. Напротив, туркестанское русскоязычное общество было очень тесно связано с метрополией. Империя была заинтересована в экономическом развитии края и включении его в общероссийский рынок, что объясняет масштабные административные реформы в крае. Лишь несогласованность переселенческого движения в период столыпинских реформ, наряду с самовольным захватом земель, обострила политическую ситуацию, которая стала одной из основных причин восстания 1916 года. В контексте вышесказанного можно предположить, что события 1916 года стали закономерным ответом на масштабные социально-экономические и политические изменения, произошедшие в Туркестане в 1870-1900-е годы.

Литература

- Брайнин С., Шафиро Ш. (1935) Восстание казахов Семиречья в 1916 году. Алма-Ата.
 Буттино М. (2007) Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. Москва: Звенья, стр. 58-91.
 Брусина О.И. (2001) Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы. Конец XIX – конец XX века. Москва: Восточная литература РАН.
 Галузо П.Г. (1929) Туркестан-колония. Москва: Издательство Ком. Ун-та трудящихся Востока.
 Дахштейгер Г.Ф. (1965) Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана. Алма-Ата: Издательство «Наука» КазССР.
 Мамадалиев И.А. (2013) “Экономический кризис как фактор социальной дестабилизации: Туркестан в конце XIX начале XX века” //Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарная. стр. 213-224.

- Ремнев А.В., Суворова Н.Г. (2008) «Обрусение азиатских окраин российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации» // Исторические записки 11, 129. стр. 132-189.
- Рыскулов Т. (1936) «История СССР. Туркестан и Казахстан (1905-1907 годы) // Борьба классов. No.5. стр. 1-15.
- Цыряпкина Ю.Н. (2016) «Русские переселенцы в Туркестане в конце XIX начале XX века: основные социокультурные характеристики» // Вестник Томского государственного университета, № 411. стр. 183-187.
- Holquist P. (2010) "In Accord with State Interests and the People's Wishes": The Technocratic Ideology of Imperial Russia's Resettlement Administration" // Slavic Review. 69, 1., pp. 151-179.
- Kendirbai G. (2002) Land and People: the Russian Colonization of the Kazak Steppe. Berlin: ANOR.
- Kennedy D. (1987) Islands of White: Settler Society and Culture in Kenya and Southern Rhodesia, 1890-1939. Durham, NC: Duke U.P. pp. 167-192.
- Khalid A. (2009) "Culture and Power in Colonial Turkestan," in Le Turkestan Russe: Une colonie comme les autres? ed. S. Gorshenina and S. Abashin (Cahiers d'Asie Centrale, no. 17/18). Tashkent and Paris: IFEAC, pp. 413 – 447.
- Morrison A. (2012) "Sowing the Seed of National Strife in this alien region. The Pahlen Report and Pereselenie in Turkestan 1908 – 1910" // Acta Slavica Iaponica. 31, pp. 1 – 29.
- Morrison A. (2012) "Metropole, Colony and Imperial Citizenship in the Russian Empire" // Kritika. 13, 2. pp. 355-9.
- Morrison A. (2015) 'Peasant settlers and the 'civilizing mission' in Russian Turkestan, 1865-1917' // Journal of Imperial & Commonwealth History Vol.43 No.3 pp.387 – 417
- Nishiyama N. (2000) "Russian Colonization in Central Asia: A Case Study of Semirechye, 1867–1922" in Migration in Central Asia: its history and current problems ed Komatsu Hisao, Obiya Chika & John Schoeberlein. Osaka: Japan Centre for Area Studies, pp. 65-85.
- Peterson M. (2011) Technologies of Rule: Empire, Water, and the Modernization of Central Asia, 1867-1941, Harvard University Ph.D. Thesis. p.179.
- Prochaska D. (1990) Making Algeria French. Colonialism in Bône 1870-1920. Cambridge: Cambridge U.P. pp. 153-154.
- Robinson R. (1972) "Non-European foundations of European imperialism: sketch for a theory of collaboration" in Studies in the theory of Imperialism ed. Roger Owen & Bob Sutcliffe. London: Longman, pp. 124-125.
- Sabol S. (2003) Russian Colonization and the Genesis of Kazakh National Consciousness. Basingstoke: Palgrave Macmillan. pp. 38-52.
- Sahadeo J. (2005) "Epidemic and Empire: Ethnicity, Class and Civilization in the 1892 Tashkent Cholera Riot" // Slavic Review. 64, 1. pp.117–39.
- Sahadeo J. (2007) Russian Colonial Society in Tashkent 1865 – 1924. Bloomington, IN: Indiana U.P.
- Sokol E. (1954) The Revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimore, MD: Johns Hopkins U.P.
- Veracini L., Cavanagh E. (2017) The Routledge Handbook of the History of Settler Colonialism. Abingdon: Routledge, pp.313-326.
- Weisensel P. (2000) 'Russian-Muslim Inter-ethnic Relations in Russian Turkestan in the Last Years of the Empire' Ethnic and National Issues in Russian and East European History ed. J. Morison. London: Macmillan.

References

- Brainin S., Sharifo Sh. (1935) Vosstanie Kazakhov Semirech'ya v 1916 godu [The uprising of Semirechier Kazakhs in 1916]. Alma-Ata.
- Buttino M. (2007) Revolyutsiya Naoborot. Srednyaya Aziya mezhdru padeniem tsarskoi imperii i obrazovaniem SSSR. [A reverse revolution. Middle Asia between fall of tsarist empire and foundation of the USSR]. Moscow: "Zven'ya". pp. 58-91.
- Brusina O.I. (2001) Slav'yane v Srednei Azii. Etnicheskie i sotsial'nie protsesy. Konetz XIX – konetz XX veka. [Slavs in Middle Asia. Ethnic and social processes. The end of XIX-end of XX centuries]. M.: Vostochnaya literatura RAN.
- Galuzo P.G. (1929) Turkestan-Koloniya. [Turkestan-Colony]. Moscow: Izd. Komm. Un-ta Trud. Vostoka.
- Dahshleiger G.F. (1965) Sotsialno-ekonomicheskie preobrazovaniya v aule i derevne Kazakhstana. [Social-economic transformation of aul and village in Kazakhstan]. Alma-Ata: Izdatel'stvo "Nauka" KazSSR.
- Mamadaliyev I.A. (2013) Ekonomichesky krizis kak faktor sotsialnoi destabilizatsii: Turkestan v kontse XIX nachale XX veka [Economic crisis as factor of social destabilization: Turkestan at the end of XIX-early XX centuries] // Vestnik Tajikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seria gumanitarnaya. str. 213-224.
- Remnev A.V., Suvorova N.G. (2008) "Obrusenie aziatskikh okrain Rossiiskoi Imperii: optimizm i pessimizm russkoi kolonizatsii" Istoricheskie Zapiski. [Russification of the Asian regions in Russian empire: optimism and pessimism of the Russian colonization] // Istoricheskie zapiski, 11 (129). str. 132-179.
- Ryskulov T. (1936) "Istoriya SSSR. Turkestan i Kazakhstan (1905-1907 gody) [History of the USSR. Turkestan and Kazakhstan] // Bor'ba Klassov. No.5. str. 1-15.
- Tsiryapkina Yu.N. (2016) Russkie pereselentsy v Turkestane v kontse XIX nachale XX veka: osnovniye sotsiokul'tunye karakteristiki [Russian settlers in Turkestan at the end of XIX – early XX centuries: main socio-cultural characteristics] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, # 411. str. 183-187.
- Holquist P. (2010) "In Accord with State Interests and the People's Wishes": The Technocratic Ideology of Imperial Russia's Resettlement Administration" // Slavic Review. 69, 1. pp. 151-179.
- Kendirbai G. (2002) Land and People: the Russian Colonization of the Kazak Steppe. Berlin: ANOR.

- Kennedy D. (1987) *Islands of White: Settler Society and Culture in Kenya and Southern Rhodesia, 1890-1939*. Durham, NC: Duke U.P. pp. 167-192.
- Khalid A. (2009) "Culture and Power in Colonial Turkestan," in *Le Turkestan Russe: Une colonie comme les autres?* ed. S. Gorshenina and S. Abashin (Cahiers d'Asie Centrale, no. 17/18). Tashkent and Paris: IFEAC, pp. 413 – 447.
- Morrison A. (2012) "Sowing the Seed of National Strife in this alien region. The Pahlen Report and Pereselenie in Turkestan 1908 – 1910" // *Acta Slavica Iaponica*. 31, pp. 1 – 29.
- Morrison A. (2012) "Metropole, Colony and Imperial Citizenship in the Russian Empire" // *Kritika*. 13, 2. pp. 355-9.
- Morrison A. (2015) 'Peasant settlers and the 'civilizing mission' in Russian Turkestan, 1865-1917' // *Journal of Imperial & Commonwealth History* Vol.43 No.3 pp.387 – 417
- Nishiyama N. (2000) "Russian Colonization in Central Asia: A Case Study of Semirechye, 1867–1922" in *Migration in Central Asia: its history and current problems* ed Komatsu Hisao, Obiya Chika & John Schoeberlein. Osaka: Japan Centre for Area Studies, pp. 65-85.
- Peterson M. (2011) *Technologies of Rule: Empire, Water, and the Modernization of Central Asia, 1867-1941*, Harvard University Ph.D. Thesis. p.179.
- Prochaska D. (1990) *Making Algeria French. Colonialism in Bône 1870-1920*. Cambridge: Cambridge U.P. pp. 153-154.
- Robinson R. (1972) "Non-European foundations of European imperialism: sketch for a theory of collaboration" in *Studies in the theory of Imperialism* ed. Roger Owen & Bob Sutcliffe. London: Longman, pp. 124-125.
- Sabol S. (2003) *Russian Colonization and the Genesis of Kazakh National Consciousness*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, pp. 38-52.
- Sahadeo J. (2005) "Epidemic and Empire: Ethnicity, Class and Civilization in the 1892 Tashkent Cholera Riot" // *Slavic Review*. 64, 1. pp.117–39.
- Sahadeo J. (2007) *Russian Colonial Society in Tashkent 1865 – 1924*. Bloomington, IN: Indiana U.P..
- Sokol E. (1954) *The Revolt of 1916 in Russian Central Asia*. Baltimore, MD: Johns Hopkins U.P.
- Veracini L., Cavanagh E. (2017) *The Routledge Handbook of the History of Settler Colonialism*. Abingdon: Routledge, pp.313-326.
- Weisensel P. (2000) 'Russian-Muslim Inter-ethnic Relations in Russian Turkestan in the Last Years of the Empire' *Ethnic and National Issues in Russian and East European History* ed. J. Morrison. London: Macmillan.